

Сергей
Маныч

Бесхвостая
ящерица

Сергей Маныч

Бесхвостая ящерица

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12109455
Сергей Маныч. Бесхвостая ящерица: Грифон; Москва; 2014
ISBN 978-5-98862-203-1*

Аннотация

Это книга поэзии, вне зависимости от того, рифмованная она или нет.

Это путь, ведущий к проникновению в суть вещей. Это хрупкий кокон, это глаза младенца, это ящерица, потерявшая хвост. Каждый умеющий читать, прочтёт здесь своё.

Многие думают, что абсолютно всё возможно постигнуть лишь разумом.

Но поэзия, взяв в свидетели своих детей, – от Басё и Петрарки до Гёте и Блейка, от Верлена и Рильке до Пастернака и Арсения Тарковского, позволяет увидеть чудо полёта бабочки, которая лишь минуту назад была коконом. Позволяет разглядеть жизнь такой, какая она есть, но какой мы её ещё не знали.

И это возможно, если рискнуть и довериться непосредственному восприятию мира, созерцанию и воображению.

Пусть «Фауст» – это вечный сюжет.

Перед нами – свидетельство сегодняшнего дня.

Содержание

"Вот бесхвостая ящерица, пробегающая через жизнь..."	6
РАЗГОВОРЫ	7
"Что стоит оборвать струну..."	9
ИЮЛЬСКОЕ	10
"Знак тишины и светлого покоя..."	11
"Вздыхает небо, в осень уходя..."	12
"Шёл себе..."	13
ТЫ ПРОСНЁШЬСЯ...	17
РОМАНС	18
ПРЕДЧУВСТВИЕ	20
БЫЛО ЛЕТО...	22
СНЕГ	23
ТВОЙ	25
"Я нёс тебе пригоршни звёзд..."	27
"Вся ночь – что детская мечта..."	29
ЗАКЛИНАНИЕ	30
ВРЕМЯ СБОРА КАМНЕЙ	31
"Выйду из себя – разверну душу..."	32
"Мы будем ждать, мы будем жить"	34
"Мой маленький сын увидел бабочку..."	35
СЛОВА	37
ЭТИМ УТРОМ	39

ЧТО-ТО СЛУЧИЛОСЬ	40
МЫ ВЫШЛИ ПОЗДНО	42
СКОРОСТЬ СВЕТА	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сергей Маныч
Бесхвостая ящерица

© Маныч С., 2014

"Вот бесхвостая ящерица, пробегающая через жизнь..."

*Вот бесхвостая ящерица, пробегающая через жизнь.
Призма голубого кристалла – это сверху.
А снизу – несколько причудливо пересекающихся линий,
заметаемых временем.
Ящерица бежит...*

*Я вижу её перед самым сезоном дождей.
Она измучена самумом.
Она чувствует дождь...
Она поднимает свою змеиную голову
и смотрит вверх.
В глазах – ожидание новой, но такой же дикой
и быстрой любви.
Это уже было.
И будет еще.*

*Бесхвостая ящерица – это я.
Я бегу...*

РАЗГОВОРЫ

Если ты идешь, ступая
По своим следам,
Значит, вывезла кривая,
Значит, снова будешь там,

Где остался твой двойник,
Где так светел сад,
Где любовь... – Так что ж, старик,
Повернём назад?

– Знай, когда вернёшься, странник,
Будет сад твой пуст...
И вода вином не станет,
И не вспыхнет куст...

Примешься молить о чуде,
Слёз глотая соль,
И твоя свобода будет
Худшей из неволь.

Память не направить вспять;
Твой уход – изгнание.
И реальностью не стать
Воспоминаньям...

"Что стоит оборвать струну..."

Что стоит оборвать струну
Иль промолчать в ответ?..
Я буду слушать тишину,
Я нарисую свет.

Я буду биться о стекло,
О силуэт в окне,
И, может быть, его тепло
Убьёт меня во мне.

Ничто не стоит объяснить
Свечение этих звёзд —
Так успокойся и усни,
Не принимай всерьёз,

Что краски – смешаны в одну,
Что звуков – больше нет...
Но я играю тишину
И рву я в клочья свет!

ИЮЛЬСКОЕ

Закат был просто ал
На гранях ржавых кровель!
Он жёгся и желал
Причастности ли, крови ль...

Щемило сердце, плыл
Ноктюрн дрожащих линий.
И город жадно пил
Благоуханье ливней

Лишь изредка, пока
Жеманный шёпот ночи
Невинно так, слегка
Нам головы морочил.

"Знак тишины и светлого покоя..."

Знак тишины и светлого покоя —
Стук падающих вниз на землю
Яблок. В нём нечто есть такое...
И сад – как Бог...

Стою и внемлю
Глухому звуку падающих яблок.
И сердцу не попасть никак
В такт чудной музыке, и я бы
Задохнулся, исчез со свету...
Когда б не знал, что это
Только знак...

То только знак...

"Вздыхает небо, в осень уходя..."

Вздыхает небо, в осень уходя,
И недоумевает: что так скоро?
А листья, словно кисти дирижёра,
Парят над какофонией дождя,
Со звуками кружась и улетая;
И кажется, что вечер этот вечен,
Но красной медью горизонт рассвечен...
То знак, что шлёт вещунья золотая!

"Шёл себе..."

Шёл себе. Осенние облака плавно обгоняли меня, скользили по лицу лёгкими тенями. Весь город походил на небрежный эскиз: такая же мешанина пятен и бликов, всё крупными мазками, всё размыто и смазано. Город возбужденно дышал и шевелился, будто провожая меня взглядом, не в силах двинуться вслед.

Повернул за угол и тут же сощурился от внезапного света. Деревья широкими взмахами пытались стряхнуть с себя охряный налёт. И тогда ветер нагнал меня и чуть толкнул в спину. Невольно зашагал быстрее. Наверное, ветру понравилась эта игра, – он побежал дальше по бушующим кронам разгонять облака!.. И всё – просто так, наверное, для того, чтобы в конец околдовать меня. Сквозь паволоку солнечных пятен вдруг вижу – чудо. Бабочка? Бедная! Откуда ты здесь? Вся рвёшься и трепещешь так беспомощно. Чистая белая точка на листе песочно-жёлтой пастели.

Набежала тень. Очертились фрагменты и проявились тона... Милая женская головка. О! Но это против правил! Бабочка-бант у неё в волосах. А дальше... Ну как так можно?! И бант – бабочкой, и пальтишко – такое, что вот чуть-чуть и... И ножки – точеный промельк, неудержимое изящество! Отчего ж ты не летишь, милая?! И снова свет – и вновь трепещут бабочкины крылья. И опять тень – и парит над землёй

пальтишко, и мелькают под ним эти матовые ножки...

Влюбился! Уже влюбился и даже не видел лица! А всего-то: бабочка-бант, пальтишко – так, чуть-чуть – мимолётная одурь, да лёгкий обморок созерцания... Женские ножки на фоне осеннего дня.

ТЫ ПРОСНЁШЬСЯ...

Ты проснёшься – и будет зима.
Ты проснёшься... А что в том такого?
Просто будет в молчанье закован
Твой северный город, сходящий с ума...

Ты озябнешь и станешь смотреть,
Как безудержно падают белые клочья
Той мечты, что привиделась ночью,
И исчезла к утру, и не явится впредь.

Ты захочешь тоски и тепла,
Долго греть у плиты будешь белые пальцы.
Равнодушие с ликом страдальца
Снова в дом твой проникло, пока ты спала.

Ты же любишь... Но знаешь сама,
Как играешь – мой Бог! – эту роль бестолково!
Ты не любишь! Так что в том такого?
Ты проснёшься, и будет зима.

РОМАНС

Памяти А.Вертинского

Птицей серою, птицей раненой
Из груди моей рвётся грусть:
Вновь влюблён я в стихи Северянина,
Вновь котом Вам об ноги трюсь.

Вы нежны, – лишь грозите мне пальчиком,
Раздражаясь моею тоской,
Очарованы ветреным мальчиком,
Что трепещет под Вашей рукой.

Вы боитесь как я одиночества,
Тоже плачете ночью, тайком
Вспоминая былые пророчества,
Запивая тоску коньяком.

Но твердите, что всё образуется
И кривите улыбкою рот.
Ах, какая Вы всё-таки умница!
А страданье Вам даже идёт...

Ведь Вы знаете, милая, знаете —
Очень скоро в предсказанный час

Вы меня навсегда потеряете...

Я уйду... Я уйду от Вас.

Птицей серую, птицей раненой

Из груди моей рвётся грусть:

Вновь влюблён я в стихи Северянина,

Вновь котом Вам об ноги трюсь...

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Ещё на неисписанном листе
Лишь отсвет ореола,
А на земле так холодно и голо —
С любовью вспоминаю о Христе.

Теперь январь, но нежности полны
Все эти дни, покуда
Крещенских холодов, как будто чуда,
Мы скромно ждём и не удивлены,

Что вот зима, и что слова
Опять слагаются в эклогу...
И что и на любви твоей – ей богу! —
Есть лёгкий отпечаток Рождества.

И с жизни сон свой делаю опять
Я наподобие слепка.
И снится, как меня ты будешь крепко
В обветренные губы целовать.

Всё смазалось. В ознобе ожидания
Из дома выйду я.
И воздуха морозная струя
Напомнит, что есть радость и страдание.

БЫЛО ЛЕТО...

Было лето, птички, скверик, зелень и лёгкая тень на скамейках. А теперь есть сугробы, те самые скамейки да ещё какая-то жутковатая растерянность и злость на чёрт его знает что...

Забот – полон рот, а всё бездельник. Медленно двигаюсь мимо сугробов и скамеек. Мыслей – по погоде – ниже нуля. Остаётся одно: поддаться всему этому, идти и, словно как ни в чем не бывало, мурлыкать себе под нос «парам-парам», только что услышанное там, в переходе.

Гитара и саксофон... Нет, скорее, наоборот – саксофон и гитара. О, господи! Какая разница?! Просто хотелось чего-то. Оказалось, музыки. Шёл, услышал, стало хорошо.

Как раньше... А что раньше? Раньше мог вырваться и уйти. Уйти...

Ух, прошло.

Негры. Снег и негры.

Гренадер. Бронзовый гренадер тоже чёрный и в снегу...
Как в мыле.

СНЕГ

В город ворвался снег
И бешеной пляской
Улиц дремотную пустошь
будто б застал врасплох.
Город теперь не узнать:
под снежною маской
Он смолк, затаился
и, кажется, даже оглох.
Плотную, словно бархата
тяжестью, занавешен
Тишиною Страстной
заиндеветавший бульвар.
Чёрные двери кофеен,
будто дырки скворешен,
Глощают случайных актеров
и выдыхают пар.
В город ворвался снег
И сыплет без меры.
Из-за чего в предчувствии
чуда дома и дворы.
В городе хорошо.
В городе снова премьера.
Давайте ж дадим друг другу
пример гениальной игры!

ТВОЙ

Сквозь линии света
Увижу я губы от боли кричащих.
Бег чёрного пса по белому снегу
Вернёт меня в то,
Что зовешь ты Нирваной
Последнего зимнего дня.

Я твой,
Я как дыхание – твой!
Бери меня силой,
Пока я ещё не остыл,
Пока надо мною заклятье
Этих страстью пылающих рук
На обугленных нервах,
На розовой глади холмов.
Я твой!

Я трогаю пену ладонью,
Я рву одиночество смысла
И знаю: ты тоже воскреснешь,
Когда вновь поднимутся волны,
Когда мы достигнем Нирваны
Последнего зимнего дня.
Я твой...

"Я нёс тебе пригоршни звёзд..."

Я нёс тебе пригоршни звёзд
и рубиновой вишни.
Я ждал.
Сам не знаю,
Чего я ждал...

Может быть, это влюблённость.
Просто влюблённость.
Или бред.
Из высоких и дурацких мыслей —
Бред

О том, что звёзды были так невесомы
и пахли капелью.

И этот запах был смешан с другим —
прозрачным и сладким как мёд —
запахом вишни.

Губами
ты брала с моих ладоней
спелые ягоды.
А потом целовала,
нежно и жарко

целовала меня.

"Вся ночь – что детская мечта..."

Вся ночь – что детская мечта —
Звонящих искр мириады.
Но вновь со мной лишь пустота
Да хлопья снегопада.

Мы с нею оба из зимы
И знаем все её причуды.
Но что поделать, если мы
Уже почти не верим в чудо:

Нанизываем каждый день
На нашу хрупкую надежду.
Я здесь, она – не знаю где,
А жизнь проходит где-то между...

ЗАКЛИНАНИЕ

...Теперешняя боль – почти не боль.
Лишь что-то зыбкое мерцает в небесах
И слова ждет.

А я стою в слезах
И все шепчу: "Помилуй, не неволь!"

Мне ж не нарушить этой тишины
Покуда, блудный, не вернусь в свой храм,
Где б смутною душой вознёсся я к хорам,
К величию органа, в детство, в сны... "

Но эта боль – уже почти не боль,
И я совсем один в круженье снега.
Проходит дрожь, нисходит мир и нега —
Я не один.

Я – с Богом.

Я – с тобой.

ВРЕМЯ СБОРА КАМНЕЙ

Время сбора камней.
Время пик.
Все выходят из дому,
Все желают быть нежными —
Как только можно нежней,
И пытаются скрыть
Нескрываемую истому.

Я пытаюсь как все.
Я стараюсь.
Но это некстати,
Я ведь так же не знаю любви,
Как и зебра не смыслит в овсе,
А она ж — та же лошадь!..
Ну может лишь чуть полосатей...

"Выйду из себя – разверну душу..."

Выйду из себя – разверну душу, как флаг – на
площади,
на улицы,
в переулки,
во дворы
хлыну безудержной горячей волной
нелепых слов,
птичьего гама,
весеннего
солнечного
полдня,
сверкания капелек и льдинок, запаха тёплой сырости,
свежих белил и испитого кофе!

И уже наплевать на худосочные сугробы, исходящие
водой как черной ненавистью.

И уже нет никакого дела ни до окриков, ни до
насмешек, от которых лишь морщишь переносицу, как от
блеска только что вымытых стёкол.

Расплавленный,
влажный,
гулкий город ползёт мне под ноги
чугунными оспинами канализационных колодцев,
глубокими морщинами трамвайных
путей

и окурками,
окурками,
окурками...

Вверх, вверх, быстрее вверх и —
вперед!

Туда,
где хочется,
хочется,
хочется!

Но хочется не так... Не так, как здесь.

Туда, где такая единственная и голая, и чем-то похожая
на тебя, живет Истина. И вот, когда я приду, она скажет:
«Иди ко мне! Возьми меня, я так долго тебя ждала!»

"Мы будем ждать, мы будем жить"

Мы будем ждать, мы будем жить,
Мы будем просто витражи
В огромном храме из стекла,
Там, где горит белым-бела,
В нас отразив свою печаль,
Одна случайная свеча...
И мы не будем лишь стеклом,
Пока живем её теплом.

Квадрат стекла – немое зло —
Предельно малое число.
Но не пройти насквозь меня,
Мою единственность храня.

"Мой маленький сын увидел бабочку..."

Мой маленький сын увидел бабочку, засмеялся и побежал за ней. Он любит бабочек. Он смеётся, когда видит их.

О, бабочки! На ваших крылышках пыльца моего счастья – пятна тех чудесных несуетных дней. Дней, в которых царит неудержимое детское любопытство. И вот это не проходящее ожидание полного восторга, это ясное и близкое ощущение чуда вело меня в сад.

Яблони были добрыми божествами. Они склонялись ветвями почти до земли и все будто тянулись коснуться меня, когда я проходил по их царству влажного шелеста, пряного прозрачного запаха яблок и тёмного, горьковатого запаха земли, и мириад, мириад мокрых искр, летящих в лицо...

И вот я шёл меж деревьев. Я осторожно трогал кривые, напряжённые стволы, морщины и трещины их тёплой коры. И эти касания напоминали мне ласковую твёрдость отцовских рук.

И было легко. И я уносился далеко-далеко в небо – за лохматым облаком, за гулом уходящей грозы.

Но всегда возвращался. Находил себя в яблоневом саду, в окружении деревьев, птиц и бабочек. Тех бабочек, которых так любит мой маленький сын. Вот и теперь он смеётся, гля-

дя на них.

СЛОВА

Вначале было слово...

Ты ждал, чтобы она спасла
Тебя от смерти.

А она хотела
Слов...

Им не было числа
Тогда.
Они текли
и не было предела

Словам.
А ты, нелепый,
Всё ждал,
немеющие пальцы

Ломал в отчаянии.
И слепо
Слова ещё сочились,
Так, будто бы страдальцу
По капле
в ухо
льётся
воск,

На языке —
стекло и чили,

В глазах —

Дали и Босх...

– Когда ты вдруг ушёл,
вздохнув устало.

И вот есть пустота,

покой,

земля,

трава,

Она и я...

А слов не стало.

Зачем они, слова?

Слова...

ЭТИМ УТРОМ

Этим утром ты будто со мной.
Это утро так тихо и пряно.
И ещё не разбужен полуденный зной,
И издалека, словно вздох океана

Мне слышится. Нетерпеливой волной,
Как глубь твоих глаз, солёной,
Он окатит... И, Бог мой, такую родной
Я увижу тебя! Я, смешной и влюблённый

Этим утром. Ах, этим утром земной,
Горький запах мешается странно
Со сладостью неба и с белизной
Легких пятен, летящих большим караваном

В твою даль, в сонный угол лесной,
Что от утренних рос вечно пьяный.
И с собою несут для тебя для одной
Вот эти стихи...

Или, может быть, вздох океана...

ЧТО-ТО СЛУЧИЛОСЬ

1.

Что-то случилось,
Здесь каждая точка растёт,
Всё приближаясь и приближая
Нечто такое... Спускаюсь – и вот
Словно бы эта чужая,

Чужая планета куда-то плывёт,
Вибрируя под моими ногами,
И становится тесно. И небосвод
Не манит, а давит. Боже, что с нами?

Люди, прошу вас!.. Ну что же стряслось?
Но мимо и мимо безглазые лики...
– Слепая новорождённая злость
Сосет толпу. Там рушатся крики,

Висит меж домами растрепанный визг,
Там тянет сладко запахом с боен.
Там страстью продажной упившийся вдрызг
В чаду кабаков – небесный воин...

На Патриарших, спокойных с виду —
Нехорошо и на сердце холод.

Есть слух, будто здесь снова видели свиту
Воланда!

Эй, ну где же Вы, Воланд?!

2.

Но, тише, тише... На месте Библия —

Свечку к образу – на ночь вслух.

Пусть бесится ливнем ночным от бессилия

За плёнкой тепла мятежный дух.

И Фауст – уже не сюжет для театра.

Я чувствую, чувствую это нутром:

Мне суждено с ним столкнуться завтра

С утра, на Тверской, выходя из метро.

МЫ ВЫШЛИ ПОЗДНО

Мы вышли поздно. Одни на свете.
На чёрном шёлке дрожит стеклярус
Холодных звёзд... И только ветер
Скользит, расправив свой рваный парус,

Между домами, где распластался
Чешуйным маслом асфальта карп;
Из бухты сквера, меняя галсы,
Теряя кроны и скудный скарб

Оград, скамеек, бегут деревья...
И свет моргает, как на ветру
Глаз маяка, или кочевья,
Что жгут костры, чтоб поутру

Вдруг сняться с мест и спрятать в морось
Октябрьских дней свои следы.
Мы вышли поздно. И будем порознь
Гладь ледяной ломать слюды.

СКОРОСТЬ СВЕТА

*...И скорость
света есть в пустоте.*

И. Бродский

Развалины у памятника Гению —
Что спазмы в горле с привкусом хурмы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.